

О. Н. Науменко, Е. А. Науменко

«Синдром Брейвика» в Тобольском тюремном замке¹

Науменко

Ольга Николаевна

доктор исторических наук, профессор, Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия)

Науменко Евгений Александрович

доктор психологических наук, профессор, Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия)

С 2010 г. Россия сотрудничает с Норвегией по вопросам Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 г., основной идеей которой является гуманизация обращения с заключенными. Предполагается, что условия содержания должны быть такими, чтобы осужденные не хотели покидать тюрьму; в данном случае используется известный педагогический принцип: окружение и условия формируют личность. В связи с тем что Норвегия имеет самую гуманную систему отбывания наказаний в мире, именно ее опыт привлекателен для реализации положений Концепции. Однако встает вопрос о применимости норвежского опыта к российским условиям, не только экономическим, политическим и правовым, но и прежде всего культурно-историческим, связанным с особенностями российской ментальности как неосознанного восприятия действительности, влекущего соответствующую реакцию осужденного и общества в целом.

История террориста А. Брейвика, получившая общественный резонанс во всем мире, показала, что гуманное отношение государства и общества он рассматривает как слабость и использует для получения все новых и новых выгод. Преступник, убивший 77 человек и ранивший 151, не привлекается к работе и полностью находится на государственном содержании; для него специально сделана

«трехкомнатная камера»: спальня, рабочий кабинет и спортзал с беговой дорожкой; он имеет качественное питание, медицину, право на частную жизнь и т. д.² В марте 2016 г. Норвежский суд удовлетворил иск А. Брейвика против государства «о бесчеловечных условиях содержания» с выплатой ему денежной компенсации в размере более 40 тыс. евро. В Норвегии эта государственная политика не вызывает массовых протестов, так как соответствует гуманистическим представлениям общества в целом. Однако в мировом сообществе присутствует критика сложившейся системы, а поведение террориста получило название «синдром Брейвика». В истории России и СССР это явление также присутствовало и привело к последствиям политического характера.

Проблема гуманизации тюремного заключения довольно активно обсуждалась в историографии среди ученых-пенитенциаристов и практиков тюремного дела³. В дореволюционный период, несмотря на расхождения по ряду вопросов, все участники дискуссии были едины в одном: в России нужно улучшать условия содержания арестантов и вводить исправительные методы через арестантский труд, школы, церкви и т. д. В тот период никто не сопоставлял планируемые условия содержания рецидивистов с уровнем жизни российского народа и не исследовал проблему возможного дисбаланса. Не были учтены факторы восприятия нововведений в культурно-исторической среде России и в уголовной субкультуре.

В советский период проблема продолжала обсуждаться, но, за исключением периода хрущевской оттепели, уже без акцента на зарубежный опыт⁴. Особенности культурно-исторической среды СССР также не были учтены, а реакция политических заключенных на пенитенциарную политику объяснялась исключительно с идеологических позиций. В настоящее время исследователи дают более объективную оценку проблемы⁵, однако в историографии не проводилось историко-философское осмысление взаимосвязи «судьба тюрьмы — судьба народа»; отсутствует концепция сочетания «своего» и «чужого» при реформировании достаточно опасной для власти и общества пенитенциарной сферы. Существует несколько серьезных трудов по истории Тобольского тюремного замка в XVIII — начале XX в.⁶, но тема его реформирования по европейским стандартам системно не затрагивалась. Вопросы российской ментальности рассматриваются учеными применительно к отдельным общественным отношениям, однако тема уголовного наказания пока остается без внимания⁷.

Цель настоящей статьи — рассмотреть реализацию европейского принципа гуманизации тюрьмы в условиях российской культурно-исторической действительности. Проблема анализируется на примере крупнейшего звена пенитенциарной системы Российской империи — Тобольского тюремного замка, который был «экспериментальной площадкой» в пенитенциарной сфере для российских императоров и советской власти. Термин «Тобольский тюремный замок» употребляется в широком смысле слова для характеристики разветвленного пенитенциарного комплекса города.

***

Отношение советской власти к гуманизации тюремного заключения исходило из учета двухвекового опыта пенитенциарной политики российских императоров:

начиная с Петра I, самодержжцы реализовывали программы тюремного реформирования, связанные с собственным отношением к европейским стандартам и принципам гуманизма. Политика носила переменный характер, выразившийся во введении европейских норм одним императором и отказе от них его преемником. Два правителя (Петр I и Екатерина II), сумевшие совместить европейскую форму и российское инквизиционное содержание тюрьмы⁸, получили титулы «Великий» и «Великая». Императоры, пошедшие по пути копирования европейского пенитенциарного опыта, в конечном счете оказались в ситуации, связанной с кризисом власти⁹. В результате их политики проявилась четкая тенденция: поочередно увеличивая долю европейского влияния на российскую пенитенциарную систему, они усиливали опасность для династии и империи. Если при Александре I Россия получила лишь восстание декабристов, не угрожающее жизни императора, то более смелый в гуманизации тюрьмы Александр II был убит террористами. Политика последнего царя Николая II, выведшего пенитенциарную систему на пик европейского гуманизма, закончилась гибелью не только его самого, но и правящей династии, и Российской империи¹⁰.

О пенитенциарной политике Николая II нужно сказать отдельно. При нем в Тобольском тюремном замке начался очередной эксперимент по гуманизации тюремного заключения, причем реализации подлежали наиболее смелые европейские идеи. Жизнь арестантов лучше всего описывают впечатления Д. И. Менделеева, посетившего Тобольск — свою родину — в 1899 г. и побывавшего по приглашению губернатора на экскурсии в образцовой тюрьме: «Между заключенными есть и такие, которые приговорены за семь убийств. Таких повесили бы или гильотинировали в иной стране, а тут — они помещены, да как помещены — в уютном чистом одноэтажном, светлом здании... Главный, ежедневный прием воздействия — это работа. Она, насколько возможно, *не принудительна: нежелание или даже нерасположение сегодня работать принимается во внимание* (курсив наш. — О. Н., Е. Н.), и таких оставляют в камерах; много мы их видели там... Прошли в кухню, где каторжник предложил попробовать щи-кашу и такой черный хлеб, которому позавидовали бы многие в Петербурге... Гуманность отношения к каторжникам так поразила меня, что я не нахожу слов для выражения. Внутри являлось суровое латынское (так в тексте. — О. Н., Е. Н.) сомнение в полезности такой мягкости отношения к злодеям»¹¹.

Таким образом, Тобольский вариант гуманизации каторги, реализованный на рубеже XIX–XX вв., превзошел все предыдущие эксперименты. Глубина проникновения этого явления в тюремный быт оказалась прямо пропорциональной отношению люмпенизированной части российского общества к Николаю II. В марте 1918 г. свергнутого императора с семьей, находившегося в тобольской ссылке, было решено перевести в каторжные камеры тюремного замка¹². Однако план не был реализован из-за наступления на Тобольск армии Колчака, а вскоре семья была в спешном порядке отправлена в Екатеринбург и там убита.

Советская власть не сразу вернулась к идее гуманизации уголовного наказания, но в истории Тобольского тюремного замка заслуживают внимания два этапа проведения этой политики.

Первый относится к началу 1920-х гг., когда пенитенциарная система невольно превратилась в место спасения представителей беднейших слоев общества, несмотря на все тяготы тюремного быта. По мнению А. С. Смыкалина, «положение в “голодных губерниях” было настолько ужасным, что никакие ужесточения режима содержания и наказания не оказывали воздействия на снижение преступности. Складывалась парадоксальная ситуация: люди стремились в тюрьму. Гарантированный, пусть черствый кусок хлеба за решеткой был предпочтительней голодной смерти на свободе»¹³. Питание в Тобольском тюремном замке было лучше, чем во многих местах заключения России: если в среднем установленная хлебная пайка составляла 1 фунт, то в Тобольске в 1922 г. она доходила до 2,5 фунтов¹⁴. Как результат, в числе заключенных находилось немало обычных граждан, попавших в тюрьму сознательно или «по недоразумению», надеясь на получение не только куска хлеба, но и заработка.

Кроме действовавших мастерских для финансовой поддержки заключенных и их перевоспитания в Тобольском тюремном замке в начале 1920-х гг. были организованы музыкальный ансамбль и драматический кружок, которые объединили десятки осужденных; только в театральную труппу входило около 40 чел.¹⁵ Учитывая, что через Тобольск прошел виднейший представитель российского театра В. И. Немирович-Данченко, тюремные постановки постепенно становились профессиональными и давали доход: посещаемость спектаклей достигала 200 чел. за вечер, а в течение сезона ставилось 5–6 новых пьес¹⁶.

Принцип «революционной целесообразности» и классовый подход к осужденным объективно требовали гуманизации наказания относительно беднейших слоев общества. Для них были выработаны множественные послабления: например, тем, кто прошел тюремный курс по ликвидации безграмотности и успешно сдал экзамен, срок заключения сокращался наполовину¹⁷; для оказания правовой помощи в тюрьме действовало бесплатное юридическое бюро, ежегодно (до закрытия в 1927 г.) его услугами пользовалось от 260 до 1540 чел.¹⁸, и т. д.

Результат гуманизации режима в Тобольском тюремном замке оказался угрожающим для правопорядка: любое давление на осужденных (а в их числе были опасные рецидивисты) стало сопровождаться недовольством, перерастающим в бунты. Стремясь установить собственные правила, заключенные ломали окна и двери, избивали надзирателей, организовывали побеги. В августе 1925 г. начальник Тобольского изолятора специального назначения Белоусов сообщал в областную инспекцию мест заключения об очередном бунте уголовников: они в течение 30–40 минут ломали решетки и двери своих камер, стремясь вырваться на свободу. Чтобы урегулировать ситуацию, пришлось мобилизовать весь конвой, вызвать резервный отряд и применить оружие; по признанию администрации, такие бунты в Тобольском тюремном замке превращались в обычные явления¹⁹.

Подобная ситуация складывалась и в корпусах политических осужденных. В начале 1920-х гг. там еще сохранялись дореволюционные традиции каторжных коммун, когда заключенные отстраняли от управления администрацию, а их жизнь регулировалась собственными нормами, в основе которых лежали принципы неподчинения, протеста и объявления требований²⁰. Как вспоминал лидер дореволюционной коммуны Д. Тахчогло, в 1907 г. начальник тюрьмы А. Г. Богоявленский

пытался договориться с ними и пошел на уступки, выполнив многие требования: «Начальник тюрьмы, убеждая покориться, говорил: “С вами обращаются, как с людьми: дали вам книги, носки и др., а вы этого не понимаете”»²¹. Демократизм начальника вызвал «психологическую войну»: открытые насмешки, «бойкот мундира», хождение перед администрацией голыми и пр.²² Почувствовав слабость, арестанты вообще запретили А. Г. Богоявленскому вмешиваться в тюремные дела («отстранили от должности»), и когда он нарушил условие, ему вынесли «смертный приговор», который был исполнен находившимися на воле единомышленниками²³. Не смогли стабилизировать ситуацию и другие начальники тюрем, каждому из которых также выносился «смертный приговор». Однако ситуация изменилась, когда прямо в тюремном дворе, на глазах «каторжной коммуны» было казнено сразу 13 чел., причем без учета степени вины²⁴.

Пройдя дореволюционную каторгу и умея организовывать «тюремные коммуны», политзаключенные Тобольского тюремного замка попытались использовать опыт в новых, советских, условиях. В частности, в начале 1920-х гг. среди их требований были следующие: создание из политзаключенных самоуправляемых коллективов; отмена принудительных работ; право на полноценное питание, в том числе требование дополнительных пайков за счет государства и возможность получать любую помощь и посылки от Международного Красного Креста и других политических организаций; отделение их от уголовников; получение советских и зарубежных периодических изданий; право на проведение политических дискуссий; неограниченные по времени прогулки, условия для занятий спортом и т. д. Формой протеста стали массовые голодовки, отказ от общественных работ, обращения к мировой общественности, а также бунты, вплоть до погромов. В марте 1925 г. заключенные-«политики» в ответ на принудительные работы объявили голодовку. Летом 1925 г. в «Социалистическом вестнике» было опубликовано письмо — протест узников Тобольского изолятора с названием «От заживо погребенных», в котором они обращались к мировой общественности за поддержкой в борьбе за политрежим²⁵ и т. д.

Сложившаяся ситуация вызвала изменения в содержании уголовных и политических осужденных: о гуманизации тюрьмы пришлось забыть на 30 лет. С 1925 г. Тобольский политизолятор получил славу «гиблого места», и ни одно из требований политических заключенных больше не выполнялось. Новая власть, на собственном опыте хорошо зная методы борьбы политической каторги и ссылки, применила контрмеры. «Камеры нередко бывают нетопленные, чувствуется сильный холод, заметна негигиеничность», — отмечалось в документах на протяжении 1920-х — 1930-х гг.²⁶ Постепенно заключенные «исчезали» под предлогом переводов или отправлялись в ссылку на Обской Север, в совсем иные условия, чем при царском режиме, и выжить там было невозможно. Во второй половине 1925 г. политических ссыльных поставили в безвыходную ситуацию: с одной стороны, им больше не полагалось государственное содержание, с другой — запрещался труд с целью получения заработной платы²⁷. Таким образом, фактически они могли существовать только на милостыню, а неисполнение правил влекло уголовное дело. Органы НКВД региона отслеживали нарушения, что отражено в одной из сводок: «Бывший князь Ширинский-Ш[и]хматов занимается писанием вывесок, ссыльный

Лю-Ван-Ли подпольно торгует вином»²⁸ и т. д. Однако выжившие стали объектом сталинских репрессий во второй половине 1930-х гг., и их политическая история закончилась. Одновременно закончилась гуманизация заключения для уголовного контингента, и бунты в Тобольском тюремном замке прекратились.

Вторая попытка гуманизации советской тюрьмы связана с хрущевской оттепелью, когда зарубежный опыт стал апробироваться в пенитенциарной сфере. СССР начал ориентироваться на «Минимальные стандартные правила обращения с заключенными», разработанные ООН в 1955 г. Сопоставление условий содержания особо опасных рецидивистов в Тобольском тюремном замке, с одной стороны, и жизни обычных тоболяков — с другой, выявило картину, не соответствующую принципам социальной справедливости. Это противоречие, порожденное введением в жизнь заключенных европейских стандартов, проявлялось в качестве питания, степени привлечения к труду, организации культурного досуга и т. д.

При отсутствии железной дороги поступление продуктов питания в Тобольск было сопряжено с рядом сложностей; кроме этого, город находится в зоне рискованного земледелия, и важнейшая задача местной администрации состояла в обеспечении людей хлебом. Он отпускался по норме «в одни руки»²⁹, и качество хлеба отходило на второй план. Для заключенных ежедневная норма хлеба также применялась, но, по воспоминаниям бывших надзирателей и заключенных, его в тюрьме хватало всем, и он был исключительным по качеству: «Заключенные говорили, что ни в какой иной тюрьме они не встречали такого вкусного хлеба. Один из заключенных после очередного судебного приговора сам попросился в Тобольскую тюрьму только из-за него»³⁰.

В отличие от городских магазинов торговая лавка в Тобольском тюремном замке не соприкасалась с проблемой дефицита. Покупать товары там могли только осужденные, и надзиратели оказывались в обделенном положении. Среди промышленных товаров в магазине продавался такой «дефицит», как духи «Золотая Звезда» и «Манон», фотоаппарат «Любитель-2» и др.³¹ Среди продуктов питания там зафиксированы товары, которые должны были поступать в городские магазины, но для тоболяков оставались малодоступными, а в тюремном магазине действительно продавались: «Консервированная продукция (рыбные и мясные консервы, сгущенное молоко, компоты из фруктов), молочные продукты, сельдь тихоокеанская жирная куренная II сорта, печенье, хлеб, сахар, масло сливочное, маргарин, окорок «Тамбовский», окорок «Воронежский», свежая малина, свежая черника» и т. д.³² Опубликованные интервью с надзирателями тюрьмы показали: «Питание было настолько хорошим, что некоторые не имели такого на воле. Когда однажды на обед подали сечку с мясом вместо гречки, некоторые заключенные выкинули миски в коридор с криками: «Пусть начальник сам это ест» (текст дан в переводе с жаргона)»³³.

В целом жизнь тюрьмы протекала по всем правилам советского общежития: в здании бывшей церкви работал клуб, где раз в неделю показывали художественные фильмы, соответствовавшие городскому репертуару³⁴. Если для тоболяков сеансы были платными (например, для детей — 1 руб.³⁵), то преступники за билеты не платили. Кроме этого, для заключенных показ фильмов планировался регулярно, а большинство жителей региона смотрели их редко: не во всех деревнях

действовали киноустановки, а «передвижки» (на грузовиках) не успевали их объезжать. В результате Тюменское областное управление кинофикации признавало: «Лучшие советские фильмы, а также фильмы стран народной демократии не показаны еще значительной части населения»³⁶. В Приказе Министерства культуры РСФСР от 23 января 1954 г. № 117 зафиксировано, что «во многих регионах РСФСР фильмы не демонстрируются только потому, что нет помещений»³⁷. Уголовные преступники из Тюремного замка этой проблемы не знали.

В Тобольской тюрьме работала школа, при этом занятия с осужденными были индивидуальными и проводили их местные педагоги. Школа была оборудована всем необходимым, в том числе достаточным числом учебников, и находилась в светлом просторном помещении. На этом фоне общая картина среднего образования в регионе кажется катастрофической. Данные Комиссии государственного контроля Совета министров РСФСР, которые в 1962 г. провели проверку в школах Тюменской области, зафиксировали: «Материальная база некоторых школ неудовлетворительная. Учебные мастерские, кабинеты домоводства, физики, химии, биологии по большей части отсутствуют, нет физкультурных залов; по основным предметам не хватает наглядных пособий. В 5–6 классах не хватает учебников по немецкому языку, алгебре, физике, истории; тетрадями школы обеспечены плохо»³⁸; «не хватает учителей пения, рисования и черчения»³⁹, «средние школы Тобольска, Тюмени, Ялуторовска, Ишима, Ханты-Мансийска и Салехарда обеспечены классными комнатами только на 46 % от нормального, следовательно, везде — три смены»⁴⁰ и т. д. Серьезная текучесть кадров среди учителей (например, в 1961 г. в области уволилось около 600 чел.⁴¹) объяснялась не только плохими условиями труда и быта, но и обязанностью регулярно посещать тюрьмы, индивидуально обучая рецидивистов.

Кроме этого, именно учителя составляли 60–65 % от общего числа лекторов, которые посещали тюрьмы с целью политпросвета⁴²: в Тобольском районе в середине 1950-х гг. среди лекторов числилось 120 учителей⁴³. На работу в тюрьму направлялись лучшие, трое из которых в будущем стали докторами исторических наук: почетный гражданин г. Тобольска Ю. П. Прибыльский, а также Н. А. Томилов, И. П. Климов⁴⁴. По воспоминаниям Ю. П. Прибыльского, его приглашали читать лекции по международному положению: осужденные искренне интересовались внешней политикой и иногда поражали знаниями в этой сфере. Во время Суэцкого кризиса 1957 г. даже сформировалась группа добровольцев, готовая воевать, защищая интересы СССР на Ближнем Востоке; однако позднее выяснилось, что планы заключенных были более прозаичны: добраться до границы и там разбежаться. Осужденные также изучали работы Ленина, но любили выискивать в них противоречия и задавать вопросы на засыпку: практически все видели причины своих преступлений именно в социализме⁴⁵.

Будучи членами КПСС (а нередко и партийными работниками), лекторы становились посредниками между осужденными и властью⁴⁶: уголовники получили право сообщать обо всех тюремных недостатках и проблемах прямо в партийную организацию города, минуя свое начальство⁴⁷. Быт осужденных включал каждодневное чтение: в тюрьме была богатейшая библиотека⁴⁸. Для чтения, отдыха и самообразования у заключенных было достаточно времени, так как подавляющее

большинство из них не привлекалось к труду в силу социальной опасности — им нельзя было давать в руки орудия труда. Для обычного населения страны работа была обязанностью.

В целом как нравственное, так и политическое перевоспитание осужденных шло тяжело; гуманизация тюремного заключения проблему не только не решила, а наоборот, спровоцировала преступную активность осужденных, закончившуюся очередной трагедией. Со слов надзирателей, осужденных «просто распустили»: «Они спокойно разбирали тюремные стены и выбирались из камер во двор с целью побега. Один из надзирателей попытался помешать беспределу и был убит прямо в тюремном дворе. После этого остальным охранникам больше не рекомендовалось ходить по территории тюрьмы поодиночке, да они и побаивались сами»⁴⁹.

Возврат к обычному режиму после окончания хрущевской оттепели стабилизировал ситуацию, и до закрытия в 1989 г. Тобольская тюрьма оставалась одним из наиболее серьезных учреждений пенитенциарной системы СССР.

* * *

Подведем итоги. В рассматриваемый период гуманизм проникал во все сферы европейского общества, поэтому его институционализация в рамках пенитенциарных систем была логичной и закономерной, отражающей основную тенденцию развития общественного сознания и демократических институтов. В России было наоборот: гуманизация тюрьмы сначала проводилась во времена крепостного рабства, позднее — при унижении и нищете российского народа, а при Н. С. Хрущеве — в период еще не восстановившейся полностью послевоенной экономики и бедности многих граждан страны. В этих условиях «европеизированная» тюрьма и ссылка рассматривались нередко как спасение, о чем свидетельствуют многочисленные факты сознательно совершенных преступлений и просто побегов из Европейской России в ссыльно-поселенческие деревни «кандалной» Сибири в дореволюционный период и отсутствие боязни Тобольской тюрьмы на отдельных этапах советской истории. Таким образом, в российской действительности при попытках гуманизации тюрьмы терялся смысл уголовного наказания.

Рассмотренная история эволюционных изменений Тобольского тюремного замка показала невозможность безболезненного включения в российскую культуру европейских стандартов даже в пенитенциарной сфере, хотя они должны были вывести тюрьму из состояния средневековья. Более того, если в западном мире гуманизация тюрьмы рассматривалась как объективная и завоеванная свобода, то в России воспринималась как слабость государственной власти, и в течение всего рассмотренного периода такое восприятие оставалось практически неизменным. В целом «синдром Брейвика» в истории Тобольского тюремного замка высветил сложнейшую задачу: определение баланса между тяжестью наказания и гуманистическими началами, между положением осужденных и беднейших слоев общества, а также между степенью государственной заботы о тех и других.

¹ Работа выполнена при поддержке международного гранта РГНФ № 15-03-00626.

- ² Условия содержания Андерса Брейвика. URL: http://relax.ru/post/36937/usloviya_soderzhanija_andersa_brejivika_12_foto_tekst.html (дата обращения: 05.11.2016).
- ³ Пасек А. Проект о преобразовании тюрем. СПб., 1867; *Фойницкий И. Я.* Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб., 1889; и др.
- ⁴ *Беляев Н. А.* Цели наказания и средства их достижения. Л., 1963; *Исаков В. М.* Труд осужденных в исправительных учреждениях Советского государства. М., 2000; и др.
- ⁵ *Глазков Е. Б., Ливенцев Д. В.* Административные меры для создания гуманной системы содержания заключенных в 20-е гг. XX в. // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости. Волгоград, 2016. С. 234–243; *Уткин В. А.* Зарубежный пенитенциарный опыт как фактор реформирования уголовно-исполнительной системы // Реформа уголовно-исполнительной системы России: состояние, проблемы, перспективы. Рязань, 2004. С. 28–32; и др.
- ⁶ *Бортникова О. Н.* Сибирь тюремная: пенитенциарная система Западной Сибири в 1801–1917 гг. Тюмень, 1999; *Панишев Е. А.* История Тобольского тюремного замка. Ч. 1 (1855–1917). Тобольск, 2005; *Михеев А. П.* Тобольская каторга. Омск, 2007; *Науменко О. Н.* Тобольский тюремный замок: страницы истории. Тюмень, 2008.
- ⁷ *Кульпин Э. С., Клименко В. В., Пантин В. И., Смирнов Л. М.* Эволюция российской ментальности. М., 2005; *Кульпин Э. С.* Конфликт ментальностей в реформах России XIX — начала XX века // Историческая психология социология истории. 2014. Т. 7, № 2. С. 132–148; и др.
- ⁸ Реформа Тобольского тюремного замка // Тюремный вестник. 1897. № 8. С. 423.
- ⁹ *Naumenko O. N.* The Historical Destiny of the Romanovs in the Evolution of the Tobolsk Prison Castle // Былые годы. 2016. № 42 (4). С. 1087–1093.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ *Менделеев Д. И.* Поездка в Тобольск // Уральская железная промышленность в 1899 г. СПб., 1900. С. 433–434.
- ¹² *Мячин (Яковлев) К. А.* Из воспоминаний // Последние дни Романовых: сб. документов. Свердловск, 1991. С. 48.
- ¹³ *Смыкалин А. С.* Колонии и тюрьмы Советской России. Екатеринбург, 1998. С. 70.
- ¹⁴ *Усманова Ф. Р.* История становления и развития советской пенитенциарной системы в Тюменском регионе (1918–1956 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2004. С. 110.
- ¹⁵ Государственный архив Тюменской области (далее — ГАТО). Ф. 126. Оп. 1. Д. 6. Л. 34.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 7. Л. 71.
- ¹⁸ *Усманова Ф. Р.* История становления и развития советской пенитенциарной системы в Тюменском регионе (1918–1956 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2004. С. 175.
- ¹⁹ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 13. Л. 18.
- ²⁰ Государственный архив Тюменской области в г. Тобольске (далее — ГАТО в г. Тобольске). Ф. 331. Оп. 15. Д. 238.
- ²¹ Цит. по: *Анисимов С. С.* Бунт в Тобольской каторжной тюрьме // Каторга и ссылка. 1923. № 6. С. 230.
- ²² ГАТО в г. Тобольске. Ф. 331. Оп. 15. Д. 236. Л. 113.
- ²³ *Васильев-Северянин П.* Царство Дубяги // Суд идет! 1926. № 12. С. 714.
- ²⁴ ГАТО в г. Тобольске. Ф. 402. Оп. 3. Д. 102. Л. 7.
- ²⁵ *Загороднюк Н. А., Прибыльский Ю. П.* Политические заключенные и ссыльные в Тобольске (1920–30-е гг.) // Политические партии, организации, движения и условиях конфликтов и трансформации общества: опыт уходящего столетия. Ч. II. Омск, 2000. С. 77–78.
- ²⁶ Там же. С. 78.
- ²⁷ Тюменский областной центр документации новой и новейшей истории. Ф. 105. Оп. 11. Д. 16. Л. 81–82.
- ²⁸ Там же. Л. 8.
- ²⁹ ГАТО. Ф. 1768. Оп. 1. Д. 37. Л. 3.
- ³⁰ *Науменко О. Н.* Тобольский тюремный замок... С. 173.
- ³¹ ГАТО. Ф. 1768. Оп. 1. Д. 37. Л. 6.
- ³² Там же. Л. 3.

- ³³ Науменко О. Н. Тобольский тюремный замок... С. 172.
³⁴ Там же. С. 173.
³⁵ ГАТО. Ф. 1812. Оп. 1. Д. 2. Л. 37 об.
³⁶ Там же. Л. 36.
³⁷ Там же.
³⁸ ГАТО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 119. Л. 10–11.
³⁹ Там же. Л. 14.
⁴⁰ Там же. Л. 19.
⁴¹ Там же. Л. 23.
⁴² ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 38. Л. 59.
⁴³ Там же. Л. 33.
⁴⁴ Там же. Л. 21.
⁴⁵ Науменко О. Н. Тобольский тюремный замок... С. 174.
⁴⁶ ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 38. Л. 34.
⁴⁷ Науменко О. Н. Тобольский тюремный замок... С. 174.
⁴⁸ Там же. С. 173–174.
⁴⁹ Там же.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Науменко О. Н., Науменко Е. А. «Синдром Брейвика» в Тобольском тюремном замке // Новейшая история России. 2017. № 3 (20). С. 198–208.
УДК 9(947+957)

Аннотация: В статье на примере Тобольского тюремного замка рассматриваются попытки введения европейских ценностей в систему отбывания наказаний в истории России. В центре внимания авторов — реакция уголовных и политических арестантов тюрьмы на гуманизацию тюремного заключения. Авторы обосновали закономерность: попытки введения европейских ценностей в Тобольском тюремном замке воспринимались заключенными как слабость государственной и административной власти и вызвали новые требования; сама тюрьма становилась неуправляемой, а каждый этап гуманизации заканчивался трагедией. Вместе с тем отказ от европейских подходов стабилизировал ситуацию в тюрьме. В статье анализируются причины этого явления, сравниваются экономические и культурно-исторические условия для реформирования тюрем в России и Европе. Авторы подчеркивают, что при реформировании тюрем по европейскому образцу в России терялся смысл уголовного наказания, так как условия содержания заключенных иногда были лучше тех, в которых жила беднейшая часть российского общества. Статья построена на сравнении пенитенциарной политики царского правительства и советской власти; подчеркивается, что большевики, придя к власти, учли опыт дореволюционной России и первоначально отказались от европейских принципов организации тюрем. Между тем попытка гуманизации тюрьмы в период хрущевской оттепели привела к тем же негативным процессам, которые происходили в тюрьме в дореволюционный период. В статье высказывается мысль, что в культуре российского народа существует грань как гуманизации, так и допустимой государственной репрессии. Авторы приходят к выводу, что непродуманные преобразования пенитенциарной сферы, не учитывающие культурные особенности страны, ментальность и материальное положение народа, могут ослабить доверие к власти.

Ключевые слова: синдром Брейвика, ментальность, гуманизация, Тобольский тюремный замок, пенитенциарная система, Российская империя.

Сведения об авторах: Науменко О. Н. — доктор исторических наук, профессор, Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия); oolgann@mail.ru | Науменко Е. А. — доктор психологических наук, профессор, Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия); hea2004@mail.ru

FOR CITATION

Naumenko O. N., Naumenko E. A. "Breivik's Syndrome" in the Tobolsk Prison Castle, *Modern History of Russia*, no. 3, 2017, pp. 198–208.

Abstract: In article on the example of the Tobolsk prison castle attempts of introduction of the European values to system of serving of punishments in the Russian history are considered. In the center of authors attention — reaction of criminal and political prisoners to an imprisonment humanization. Authors have proved regularity: attempts of introduction of the European values in the Tobolsk prison castle were perceived concluded as weakness of the state and administrative power and caused new requirements; the prison became uncontrollable, and each stage of a humanization came to an end with the tragedy. On the other hand, the refusal of the European approaches stabilized a situation in prison. In article the reasons of this phenomenon are analyzed, economic and cultural and historical conditions for reforming of prisons in Russia and Europe are compared. Authors emphasize that when reforming prisons on the European sample in Russia the meaning of criminal penalty as conditions of keeping of prisoners were sometimes better than in what there lived the poorest part of the Russian society was lost. Article is constructed on comparison of penitentiary policy of the imperial government and Soviet power; it is emphasized that Bolsheviks, having come to the power, have considered experience of pre-revolutionary Russia and have originally refused the European principles of the organization of prisons. Meanwhile, return to the European principles of a humanization of prison in the period of "Khrushchev's thaw" has led to the same negative processes which happened in prison during the pre-revolutionary period. In article the idea is introduced that in culture of the Russian people there is a side of both a humanization, and admissible state repression. Authors come to a conclusion that the unreasoned transformations of the penitentiary sphere which aren't considering cultural features of the country, mentality and financial position of the people can weaken trust to the power.

Keywords: Breivik's syndrome, mentality, humanization, Tobolsk prison castle, penal system, Russian Empire.

Authors: *Naumenko O. N.* — Doctor of History, Professor, Tyumen State University (Tyumen, Russia); oolgann@mail.ru | *Naumenko E. A.* — Doctor of Psychology, Professor, Tyumen State University (Tyumen, Russia); hea2004@mail.ru

References:

- Belyaev N. A. *Tseli nakazaniya i sredstva ikh dostizhenia* (Leningrad, 1963).
- Bortnikova O. N. *Sibir tyuremnaia: penitentsiarnaia sistema Zapadnoy Sibiri v 1801–1917 gg.* (Tyumen, 1999).
- Glazkov E. B., Liventsev D. V. 'Administrativnye меры для создания гуманной системы содержания заключенных в 20-е гг. XX в.', *Pravovoe regulirovanie: problemy effektivnosti, legitimnosti, spravedlivosti* (Volgograd, 2016).
- Isakov V. M. *Trud osuzhdennykh v ispravitelnykh uchrezhdeniyakh Sovetskogo gosudarstva* (Moscow, 2000).
- Kulpin E. S. 'Konflikt mentalnostey v reformakh Rossii XIX — nachala XX veka', *Istoricheskaia psihologiya sociologia istorii*, Vol. 7, no. 2, 2014.
- Kulpin E. S., Klimenko V. V., Pantin V. I., Smirnov L. M. *Evolutsia rossiyskoy mentalnosti* (Moscow, 2005).
- Mendeleev D. I. 'Poezdka v Tobolsk', *Uralskaya zheleznaya promyshlennost v 1899 g.* (St. Petersburg, 1900).
- Mikheev A. P. *Tobolskaia katorga* (Omsk, 2007).
- Myachin (Yakovlev) K. A. 'Iz vospominaniy', *Poslednie dni Romanovykh: sb. dokumentov* (Sverdlovsk, 1991).
- Naumenko O. N. 'The Historical Destiny of the Romanovs in the Evolution of the Tobolsk Prison Castle', *Bylye gody*, no. 42 (4), 2016.
- Naumenko O. N. *Tobolskiy tyuremnyi zamok: stranitsy istorii* (Tyumen, 2008).
- Panishv E. A. *Istoria Tobolskogo tyuremnogo zamka, Chast 1 (1855–1917)* (Tobolsk, 2005).
- Smykalin A. S. *Kolonii i tyurmy Sovetskoy Rossii* (Yekaterinburg, 1998).
- Usmanova F. R. *Istoria stanovleniya i razvitiya sovetskoy penitentsiarnoy sistemy v Tyumenskom regione (1918–1956 gg.)* [Candidate of History Dissertation] (Tyumen, 2004).
- Utkin V. A. 'Zarubezhnyy penitentsiarnyy opyt kak faktor reformirovaniya ugolovno-ispolnitelnoy sistemy', *Reforma ugolovno-ispolnitelnoy sistemy Rossii: sostoyanie, problemy, perspektivy* (Ryazan, 2004).
- Zagorodnyuk N. A., Pribylskiy Yu. P. 'Politicheskie zaklyuchennyye i ssylnye v Tobolske (1920–30-e gg.)', *Politicheskie partii, organizatsii, dvizheniya i usloviakh konfliktov i transformatsii obshchestva: opyt ukhodyashchego stoletia*, Part II (Omsk, 2000).